

Научная статья
УДК 343.13
EDN DODRGT
DOI 10.17150/2411-6122.2024.2.34-46

Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия

А.Б. Диваев

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк,
Российская Федерация, divalex09@mail.ru

Аннотация. В статье автором рассмотрена проблема соотношения уголовного процесса и уголовно-процессуального права, как предмета и средства отраслевого правового воздействия. Сделан вывод о том, что уголовный процесс, с этой точки зрения, являясь материальной характеристикой отрасли уголовно-процессуального права, есть не что иное, как совокупность общественных отношений, подвергнутых специально-юридическому процессуальному воздействию норм и институтов уголовно-процессуального права. Установлено, что структурно эта совокупность включает в себя две группы отношений: основополагающие отношения, в отсутствии которых уголовный процесс невозможен, как социальный феномен, и отношения, учреждаемые государством, посредством уголовно-процессуального нормотворчества. Первая группа отношений, составляющих предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия, признается государством «по нисходящей», после чего те становятся уголовно-процессуальными отношениями. Отношения же второй группы легитимируются, как уголовно-процессуальные отношения, «по восходящей», путем их признания социумом, как некой правовой данности. Выявленные структурные закономерности предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия позволили сделать вывод о том, что формами такого воздействия являются: 1) регулирование отношений, составляющих его структуру; 2) их охрана и 3) учреждение новых, ранее не существовавших общественных отношений, как уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальные отношения, уголовно-процессуальное воздействие, предмет уголовно-процессуального воздействия.

Для цитирования: Диваев А.Б. Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия / А.Б. Диваев. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.2.34-46. — EDN DODRGT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 2. — С. 34–46.

Original article

The Subject and Forms of a Special Legal Criminal Procedural Impact

A.B. Divaev

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk,
the Russian Federation, divalex09@mail.ru

Abstract. The author examines the problem of correlation between the criminal process and the criminal procedure law as an object and means of law branch-related legal impact. It is concluded that, from this standpoint, the criminal

process is a material description of the criminal procedure branch of law, and it is nothing less than the aggregate of public relations subjected to a special legal procedural impact of norms and institutions of criminal procedure law. It is established that, structurally, this aggregate includes two groups of relations: fundamental relations whose absence renders the criminal process impossible, and relations established by the state through criminal procedure lawmaking. The first group of relations is the subject of special legal criminal procedural impact, and it is recognized by the state in a “descending” order, after which they become criminal procedural relations. The relations of the second group are legitimized as criminal procedural relations in an “ascending” order through their recognition by the society as some given legal reality. The identified structural regularities of the subject of special legal criminal procedural impact made it possible to conclude that the forms of such impact are: 1) the regulation of relations comprising its structure; 2) their protection; 3) the establishment of new previously non-existing public relations as criminal procedural relations.

Keywords: criminal procedure law, criminal procedural relations, criminal procedural impact, the subject of criminal procedural impact.

For citation: Divaev A.B. The Subject and Forms of a Special Legal Criminal Procedural Impact. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 2, pp. 34–46. (In Russian). EDN: DODRGT. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.2.34-46.

Введение

Одной из фундаментальных проблем теории уголовного процесса остается вопрос взаимодействия уголовного процесса, являющегося частью социальной действительности с уголовно-процессуальным правом — правовым средством упорядочивания социальной действительности.

Если максимально обобщить достижения науки за последние полтора десятилетия, можно констатировать, что результаты проведенных в этом направлении исследований сводятся к двум общепризнанным научным положениям. Первое: «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право» — тесно взаимосвязанные, однако не тождественные категории. И, второе: уголовный процесс — средство применения норм уголовного права. Эти положения настолько привычны, что приобрели характер научной догмы, по причине чего большинство работ, посвященных сущности уголовного процесса и уголовно-процессуального

права, проводятся в основном в рамках этой теоретической парадигмы. При этом, если обратиться к истории ее появления, вырисовывается следующая картина.

На первоначальном этапе развития науки уголовного процесса, которая, как самостоятельная отраслевая правовая наука, начала формироваться, как представляется, не ранее середины XIX в., относительно соотношения категорий «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право» было высказано мнение об их тождестве. Тот же Я.И. Баршев называл уголовным процессом или уголовным судопроизводством «совокупность правил и форм уголовного суда», т.е. то, что в настоящее время интерпретируется как уголовно-процессуальное право [1, с. 5]. Позднее данное мнение разделяли также И. Василенко [2], Д.Г. Тальберг [3, с. 1], на определенном этапе своей творческой деятельности — Н.Н. Полянский [4, с. 3–4] и другие исследователи.

С течением времени в уголовно-процессуальной теории произошло некоторое переосмысление данной проблемы и термин «уголовный процесс» (или уголовное судопроизводство) стал использоваться сразу в двух смыслах. В своем первом своем значении он, по-прежнему, обозначал свод правил, регламентирующих порядок производства по уголовным делам. Однако, во втором, под уголовным процессом стали называть сам этот порядок, некий вид, регламентированной этими правилами деятельности. В частности, И.Я. Фойницкий об этом писал так: «Право наказания создает для государства право на деятельность, имеющую задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае. Каждый такой отдельный случай... образует уголовное дело, а установленный для рассмотрения таких дел порядок разбора называется уголовным процессом или уголовным судопроизводством... Система правил, которыми определяется такое производство, образует судебно-уголовное право, или уголовное судопроизводство в объективном смысле» [5, т. 1, с. 1].

Обращает на себя внимание, что автор для обозначения уголовно-процессуального права использует непривычный для нас термин, называя его «судебно-уголовным правом», что можно считать большим шагом вперед, так как во многих научных источниках того периода уголовно-процессуальное право также называлось «формальным уголовным правом» [6–8].

Сам по себе термин «уголовно-процессуальное право» в его современном понимании стал использоваться правовой наукой только с начала XX в., притом, что вопрос его соотношения с категорией «уголовный процесс» получил разрешение еще почти четверть

века спустя. Результат этого достаточно точно был выражен М.С. Строговичем: «...уголовный процесс есть деятельность суда и следственных органов, регулируемая уголовно-процессуальным правом, а уголовно-процессуальное право есть — совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда и следственных органов» [9, с. 11–12]. Именно с этих позиций определяется соотношение уголовного процесса и уголовно-процессуального права, преимущественно, и по сей день.

Нужно признать, что этот, традиционный подход теоретически вполне обоснован и, в общем-то, с ним можно согласиться. Однако, только при одном условии: *если категорию «уголовный процесс» рассматривать, как совокупность общественных отношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовного дела и исполнению приговора, а также связанных с ними отношений, подвергающихся специально-юридическому воздействию норм уголовно-процессуального права, т.е. как предмет уголовно-процессуального права.*

В то же время, такой подход существенно корректирует систему традиционных взглядов на предмет уголовно-процессуального права и формы его воздействия на него.

Предмет уголовно-процессуального права и специально-юридические формы воздействия на него

Если следовать классическим общеправовым научным положениям, уголовно-процессуальное право — это отрасль права, характеризующаяся, сущими каждой отрасли права, системными, материальными и юридическими признаками [10, с. 148–149]. Предмет отраслевого правового регулирования, представляя собой содержание матери-

ального признака отрасли права — это «определенная сторона, часть, широкая однородная сфера (область) единого общего поля правового регулирования, круг общественных отношений, регулируемых данным нормативным образованием» [10, с. 149]. Соответственно, если мы признаем, что уголовный процесс это предмет уголовно-процессуального регулирования, следом мы должны признать, и то, что содержание уголовного процесса составляют общественные отношения. Но, как раз этот вывод для уголовно-процессуальной науки не очевиден.

В теории уголовного процесса на протяжении всего периода ее развития были высказаны достаточно разнообразные мнения относительно структуры и содержания предмета уголовно-процессуального права. В частности, ряд авторов придерживаются мнения, что в «реальности... уголовный процесс имеет место лишь по конкретному уголовному делу, по которому осуществляется конкретная уголовно-процессуальная деятельность» [11, с. 161], по сути, рассматривая уголовно-процессуальное право, не как средство регламентации общественных связей, а как средство упорядочивания уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу.

Представленное мнение не является достижением современной уголовно-процессуальной науки. Так, похожее суждение о предмете уголовно-процессуального регулирования высказывал еще М.А. Чельцов, который прямо писал: «Советский уголовный процесс есть направляемая законом деятельность органов прокуратуры, следствия и суда по раскрытию преступления, изобличению преступника, разбирательству дела об обвиняемом со всеми гарантиями его защиты и применению

к нему, в случае признания его виновным, справедливого наказания в целях, установленных социалистическим уголовным правом» [12, с. 10]. Причем сам автор данной цитаты вовсе не отрицал существования уголовно-процессуальных отношений. Однако считал их производными от уголовно-процессуальной деятельности [12, с. 11].

Более того, анализ данного подхода указывает на то, что в его основе лежит все та же точка зрения, высказанная еще дореволюционными учеными-процессуалистами, отождествлявшими категории «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право».

Действительно, если в качестве предмета уголовно-процессуального воздействия рассматривать уголовно-процессуальную деятельность, то логически необходимым становится вывод о ее первичности по отношению к уголовно-процессуальным отношениям. Другими словами, здесь уголовно-процессуальное право регламентирует уголовно-процессуальные отношения, посредством регулирования уголовно-процессуальной деятельности, что, на наш взгляд, выглядит несколько необоснованно, в силу, как минимум, трех аргументов.

Первый аргумент. Выше мы уже указывали, что тезис о том, что «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право» — не тождественные категории в целом общепризнан в теории уголовного процесса. Однако, если в качестве предмета уголовно-процессуального права рассматривать уголовно-процессуальную деятельность по конкретному уголовному делу, мы получим диаметрально противоположный вывод. Учитывая, что в такой парадигме мышления, уголовный процесс — это производство по уголовному делу, то логично предположить, что для ее

сторонников уголовного процесса как обособленной сферы общественных отношений, генерируемых обществом на протяжении всего периода его исторического развития, попросту не существует. Для них уголовный процесс каждый раз воспроизводится только в пределах той деятельности, которую осуществляют участники уголовного судопроизводства в рамках конкретного уголовного дела. Соответственно, здесь уголовный процесс, если и «живет», то исключительно в нормах уголовно-процессуального права, а стало быть, эти категории тождественны.

Второй аргумент, который мы можем предложить в обоснование тезиса о том, что уголовно-процессуальная деятельность не может рассматриваться в качестве предмета уголовно-процессуального воздействия, носит методологический характер и, как представляется, это самый веский из возможных аргументов. Дело в том, что оспариваемый в данной работе взгляд на предмет уголовно-процессуального права не соответствует общетеоретическим представлениям о том, что такое общественные отношения и как этот феномен соотносится с человеческой деятельностью.

В общетеоретическом понимании «общественными отношениями» принято считать «относительно устойчивые связи между социальными группами, народами, государствами и другими объединениями людей, возникающие в производственно-экономической, социально-политической сферах человеческой деятельности, различных видах культуры и определяющие специфику данного конкретного общества, его качественные характеристики, его социальную структуру» [13, с. 389]. Обратим внимание: общественные отношения это связи между коллективными

субъектами (социальными группами, народами, государствами, иными человеческими объединениями), но не между личностями. Именно это внешне отличает общественные отношения от личных взаимоотношений, которые складываются исключительно между личностями (индивидами), т.е. индивидуальными акторами (участниками).

Однако, внешними отличиями здесь ограничиться нельзя. Различна сама природа этих видов отношений. Как возникают и развиваются личные отношения? Думается, что модель этого привычна для каждого из нас, и выглядит она примерно следующим образом. Допустим, некий индивид, руководимый *личной* потребностью, формирующей *личную* заинтересованность в чем-то, обращается к другому индивиду, который, с одной стороны, может удовлетворить эту потребность, а с другой — сам реализует в этом отношении уже его, но такой же *личный* интерес. В данной модели поведения совершение его участниками взаимной деятельности предшествует возникновению отношения, а, следовательно, здесь она, эта деятельность первична по отношению к той личной связи, которая возникает и развивается между индивидами. И, в общем-то, такая схема развития отношений между людьми от деятельности к отношению вполне жизнеспособна. Однако, это схема характерна исключительно *личных*, но не общественных отношений и для объяснения природы уголовно-процессуальных отношений, которая, безусловно, носит социальный характер, она совершенно не подходит. Какова же модель возникновения и развития общественных отношений?

Еще раз подчеркнем: общественные отношения не индивидуальны, т.к. они не подчинены личным потребностям и интересам. В их основании лежат по-

требности и интересы целых социальных групп и человеческих объединений, а поэтому они обезличены. Для их участников важна не личность, а та социальная роль, которую они реализуют посредством вступления в общественное отношение. С этой точки зрения систему общественных отношений можно рассматривать, как объективно сложившуюся вследствие развития общества систему связей, являющихся отражением структуры общества, некоей их «сеткой», посредством которой социальные акторы реализуют общественные потребности и интересы. Причем, в отличие от личных, общественные отношения существуют независимо от личности, ее потребностей и интересов. Конкретный индивид может лишь встроиться в систему уже существующих общественных отношений: 1) либо по своей воле, выполняя определенную социальную роль, посредством которой он реализует свои потребности и интересы, при условии, что они совпадают с общественными потребностями и интересами или не противоречат им, 2) либо будучи вовлеченным в их систему волей иного субъекта, имеющего властные полномочия, посредством чего тот удовлетворяет социальные потребности или интересы [13, с. 389].

Указанные закономерности наталкивают на тот вывод, что в отличие от личных, общественные связи возникают не вследствие деятельности человека, а поэтому она не может предшествовать им. Схема их возникновения и развития противоположна: первична здесь не деятельность, а общественное отношение. Деятельность же в такой модели — средство реализации общественной связи определенными субъектами в конкретной ситуации.

Если данный вывод транслировать на проблему соотношения уголовно-

процессуальных отношений и уголовно-процессуальной деятельности, можно констатировать следующие положения.

Уголовно-процессуальные отношения — это, безусловно, общественные отношения. Соответственно, они не могут быть производны от человеческой деятельности. Совокупность общественных связей, именуемых системой уголовно-процессуальных отношений или, другими словами, уголовным процессом, возникает и впоследствии существует по объективным законам социального развития, как социальный институт, призванный реализовывать конкретную социальную функцию. Конкретный индивид, имеющий или наделенный статусом их участника, посредством осуществления уголовно-процессуальной деятельности встраивается в систему этих отношений и реализует, тем самым свой уголовно-процессуальный статус. А поэтому, уголовно-процессуальное право, если и упорядочивает уголовно-процессуальную деятельность, то не напрямую, а только через уголовно-процессуальные отношения.

И, наконец, *третий аргумент*. Признание значения предмета уголовно-процессуального права исключительно за уголовно-процессуальной деятельностью по конкретному уголовному делу, существенно «обедняет» этот предмет, выводит из него те сферы человеческой деятельности и, в конечном итоге, те группы отношений, которые объективно являются уголовно-процессуальными. В связи с этим, предмет уголовно-процессуального воздействия не может исчерпываться производством по уголовному делу, на что прямо указывают сторонники оспариваемой нами позиции [11, с. 161].

Безусловно, производство по уголовному делу — это основа уголовного

процесса, по сути, то, в связи с чем появился и существует этот социальный институт, предназначенный для легитимации акта привлечения к уголовной ответственности. Именно потому данная группа отношений регламентирована нормами уголовно-процессуального права наиболее детально, что видно «невооруженным глазом» и выражается:

а) в обладании каждым из субъектов этих отношений четким, установленным УПК РФ статусом участника уголовного судопроизводства. Среди них практически невозможно встретить участника, статус которого не опосредовался бы конкретным процессуальным основанием — процессуальным решением о наделении субъекта соответствующим статусом или фактом совершения в отношении него определенного законом процессуального действия;

б) в наделении этих субъектов точно определенным законом объемом тех полномочий, прав и обязанностей, которые составляют содержание этого статуса, и реализация которых происходит посредством процессуальных отношений, складывающихся в ходе производства по уголовному делу;

в) и наконец, в нормативном закреплении исчерпывающей совокупности средств, при помощи которой соответствующий статус может быть реализован (перечень и порядок производства конкретных процессуальных действий и принятия процессуальных решений).

В то же время, мы не можем отказать в уголовно-процессуальной природе еще как минимум двум видам уголовно-процессуальных отношений, существующих вне производства по уголовному делу. Во-первых, это отношения по рассмотрению и проверке заявлений и сообщений о преступлениях

и разрешению вопроса о возбуждении уголовного дела, образующие стадию возбуждения уголовного дела. И, во вторых, уголовно-процессуальными являются отношения, образующие самостоятельное уголовно-процессуальное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно констатировать ошибочность отождествления уголовно-процессуального права и той системы отношений, которая объективно сложилась в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения, разрешения уголовных дел и исполнения приговора и образовала социальный феномен, называемый уголовным процессом, в силу непосредственного воздействия на них норм уголовно-процессуального права в специально-юридических формах.

Прежде чем перейти ко второй части данного исследования и рассмотреть вопрос о том, какие формы уголовно-процессуального воздействия мы относим к специально-юридическим, нельзя не остановиться на существовании самого термина «уголовно-процессуальное воздействие», указав причины по которым мы его используем.

В теории уголовного процесса, формулируя выводы относительно соотношения уголовно-процессуального права с его отраслевым предметом, принято использовать традиционный термин — «предмет уголовно-процессуального регулирования» [14, с. 5; 15, с. 21–28; 16, с. 23]. Между тем, по нашему мнению, специально-юридические формы взаимодействия уголовно-процессуального права со своим отраслевым предметом намного сложнее и не исчерпываются только регулированием уголовно-процессуальных отношений. В этой связи следует согласиться с

И.И. Ахматовым, который считает, что: «Правовое регулирование всегда означает правовое воздействие, но правовое воздействие не всегда выступает в форме правового регулирования» [17, с. 77–78]. Соответственно, правовое регулятивное воздействие необходимо рассматривать только как одну из форм специально-юридического воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом на уголовно-процессуальные отношения. Но, каковы же иные формы такого воздействия?

Как представляется, их еще две. Первая из них носит достаточно традиционный для теории права характер и заключается в охранительном уголовно-процессуальном воздействии.

Несмотря на всеобщее признание охранительной функции права, в уголовно-процессуальной теории этому аспекту специально-юридического воздействия уделяется крайне мало внимания. Видимо это стало возможным в силу того, что уголовно-процессуальное право привычно относят к регулятивным отраслям и его охранительный потенциал явно недооценен.

Между тем, как представляется, в сфере правового воздействия принципиально отсутствуют «в чистом виде» регулятивные и охранительные отрасли права. Каждая из отраслей, и уголовно-процессуальное право здесь не исключение, одновременно является и регулятивной, и охранительной отраслью. Другое дело, что некоторые из них «преимущественно регулятивные», а другие, наоборот, «преимущественно охранительные», что и является основанием их отнесения к тому или иному виду отраслей.

Такой, «преимущественно регулятивной» является отрасль уголовно-процессуального права, что не исключает того, что часть его норм, а именно,

в первую очередь, норм, составляющих институт уголовно-процессуального принуждения, направлена на охрану уголовно-процессуального права от противоправных посягательств на него со стороны участников уголовно-процессуальных отношений.

Более сложной по своему содержанию является еще одна форма специально-юридического уголовно-процессуального воздействия, которая стала возможной исключительно в силу особой природы уголовно-процессуальных отношений.

Ведя речь об уголовно-процессуальных отношениях, исследователи, зачастую, традиционно рассматривают их с позиций, разработанных общей теорией права еще в 60–70-е гг. прошлого века. Ими изучаются их традиционные структурные элементы: объект, субъекты, фактическое и юридическое содержание уголовно-процессуальных отношений и пр. Однако, очень редко исследование этого вида правоотношений происходит с учетом того, что уголовно-процессуальные отношения иначе как правоотношениями быть не могут. Это «природные» правоотношения, существование которых вне специально-юридического воздействия невозможно. Данное обстоятельство принципиально отличает уголовно-процессуальные отношения от любых других правоотношений, которые могут существовать вне правового воздействия, как фактические общественные отношения, и становятся правоотношениями только после того, как право воздействовало на них. Уголовно-процессуальные отношения появляются, существуют и исчезают только в силу нормы уголовно-процессуального права.

Данное обстоятельство позволяет говорить об особой *учредительной*

функции уголовно-процессуального права и такой форме его специально-юридического воздействия, как учреждение уголовно-процессуальных отношений. Поясним сказанное.

Анализируя структуру предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия, мы пришли к выводу, что он не однороден. Все отношения, составляющие его содержание, могут быть разбиты на две группы: 1) объективно существующие и 2) объективно обусловленные отношения. Несмотря на то, что отношения обеих групп являются уголовно-процессуальными отношениями, их природа существенно отличается.

Первую группу составляют уголовно-процессуальные отношения существовавшие, как фактические «прото-процессуальные» отношения до того, как уголовно-процессуальное право оказало на них специально-юридическое воздействие и, тем самым, «вовлекло» их в число уголовно-процессуальных отношений. Самая главная их особенность заключается в том, что эти отношения были генерированы социумом вне уголовно-процессуального воздействия. Они — следствие общественного развития, а, стало быть, объективны по природе.

В первую очередь, к их числу необходимо отнести те группы отношений, которые возникли в догосударственном состоянии общества, как некая «квазисудебная» процедура привлечения к ответственности членов человеческих сообществ, посягнувших на своих сородичей и соплеменников. Известно, что исторически процессуальная деятельность, направленная на преследование и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, развилась из частно-обвинительной деятельности, в рамках

которой сам пострадавший от деяния осуществлял деятельность по поддержанию обвинения в судебном процессе, вступая, тем самым, в «протопроцессуальные» общественные связи, которые сложились еще в догосударственном состоянии общества [18, с. 15–44]. С появлением государства и процессуальных¹ норм эта деятельность получила официальный характер, а отношения, объективируемые этой деятельностью, трансформировались в процессуальные отношения, легитимируя ее «по нисходящей», волей государства.

Иногда такой вариант легитимации возникших фактических отношений и трансформации их в уголовно-процессуальные отношения используется и в настоящее время. Наиболее яркий пример — отношения по проверке заявления или сообщения о преступлении. Не секрет, что до некоторых пор следователи и дознаватели использовали в ходе осуществления этой деятельности некие «суррогатные» формы проверки, стараясь придать хотя бы какую-то видимость «процессуальности» своей деятельности. Например, наверное, самое распространенное проверочное действие — получение объяснений, зачастую производилось по правилам допроса, при том, что вплоть до 2013 г. никакой уголовно-процессуальной регламентации отношений, связанных с производством этого действия не было. В то же время, следователи и дознаватели получая объяснения, не редко разъясняли лицам их «обязанность» давать правдивые объяснения, предупреждали

¹ Тогда деление норм на уголовно — и гражданско-процессуальные, как известно, были чисто условным. Первоначально процесс носил характер общей судебной деятельности. Отраслевое обособление норм, регламентирующих порядок производства по уголовным и гражданским делам это, произошло позднее.

их об «ответственности» за отказ от дачи таких объяснений или дачу заведомо ложных объяснений, разъясняли ст. 51 Конституции РФ и т.п., и даже оформляли «протокол получения объяснений», т.е. полностью руководствовались регламентом производства допроса.

Было ли отношение в которое вступал следователь или дознаватель с дающим объяснения? Да было. Но было ли оно уголовно-процессуальным? Вряд ли. Таковым оно стало только после того как в 2013 г. законодатель в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ установил, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств», при условии соблюдения уголовно-процессуального порядка получения этих сведений. Налицо яркий пример «нисходящей» легитимации уже существовавшего общественного отношения.

В то же время возникает вопрос: а справедлива ли такая схема взаимодействия уголовно-процессуального права и его предмета для каждого уголовно-процессуального отношения или есть уголовно-процессуальные отношения, возникающие по иной схеме? И второй вариант ответа здесь видится правильным. Сфера уголовного процесса — это очень специфическая сфера человеческих отношений, многие из которых не могут существовать в виде фактического «протопроцессуального» отношения, т.к. общество попросту не может генерировать эти отношения и причина этого проста. Если причины возникновения и последующего существования вне уголовно-процессуальной регламентации общественных отношений, являющихся содержанием упомянутой выше «квазисудебной» процедуры, в целом, очевидны, то появление многих других общественных связей, отражаю-

щих процессуальные «тонкости», специфику конкретных процессуальных процедур, трудно объяснить с этой точки зрения.

На определенном этапе исторического развития усложнение этой процедуры потребовало подключения к процессу «генерации» отношений государства, которое беря под защиту те или иные сферы общественной жизни, стало нуждаться в специализированных органах уголовного преследования, способных от имени государства и в интересах общества совершать ту деятельность, которая до того осуществлялась частным лицом — потерпевшим. Однако, мало было создать эти органы. Государство, в лице своих правотворческих органов, должно было учредить и соответствующие социальные роли для этих новых участников, формализовав эти роли правами и обязанностями, что автоматически преобразовало их в процессуальные статусы (следователь, дознаватель, государственный обвинитель и т.п.), а также установить связи между этими новыми субъектами уголовно-процессуальной деятельности и уже существующими, «традиционными» участниками судебной процедуры (суд, потерпевший, обвиняемый и т.п.), упорядочив их надлежащим образом. Как государство могло решить такую «сверхзадачу», по сути, «создав» общественные отношения? Только одним способом — через нормотворческую деятельность. Приняв норму права, в той или иной допустимой и общепризнанной форме, государство одновременно определяет статус представителя власти, правовые границы этого статуса, наделяет его носителя полномочиями, чем обязывает его вступать в отношения по поводу реализации общественно значимой потребности в обеспечении безопасности государства,

общества и личности от преступных посягательств. И этот процесс генерации уголовно-процессуальных отношений постоянен и вряд ли будет когда бы то ни было завершен, пока существует государство, как социальный институт.

Таким образом, уголовный процесс содержит в себе не только совокупность официально признанных в силу их правовой регламентации отношений, но и систему отношений, которые никогда не были обычными общественными отношениями по той причине, что они не существовали и никогда не могли возникнуть сами по себе. Такие отношения изначально *учреждаются нормой права как уголовно-процессуальные отношения*. Это направление уголовно-процессуального воздействия вполне можно рассматривать в качестве еще одной — специально-юридической функции уголовно-процессуального права — *его учредительной функции*.

Выводы

Сказанное позволяет утверждать, что уголовно-процессуальное право располагает тремя специально-юридическим формами воздействия на систему отношений, образующих уголовный процесс: оно *1) регламентирует* и *2) берет под охрану* уже сложившиеся общественные отношения, тем самым трансформируя их в уголовно-процессуальные отношения и оно же *3) учреждает* до того не существовавшие отношения в виде уголовно-процессуальных отношений.

При этом, всю систему уголовно-процессуальных отношений, составляющих предмет специально-юридического уголовно-процессуального

воздействия, исходя из этого, можно условно разделить на две части. *Первую* из них составят фундаментальные, «корневые» уголовно-процессуальные отношения, в основе которых лежат исторически сложившаяся совокупность общественных связей, с течением времени «легализованных» государством, возведенных в ранг официальных. Эти отношения составляют стержень уголовного процесса любого государства и обычно обладают достаточной стабильностью. Именно они определяют существование уголовного процесса как такового. В их отсутствии уголовный процесс как сфера функционирования социума прекратит свое существование.

Вторая группа включает в себя совокупность тех уголовно-процессуальных отношений, которые учреждаются государством. В отличие от отношений предыдущей группы, которые объективны изначально, отношения этой группы «всего» лишь *объективно обусловлены*, а их возникновение — производно от субъективной воли правотворца.

Соответственно, если отношения предыдущей группы подвергаются «нисходящей» легитимации, т.е. признаются государством как правоотношения, то эти отношения, наоборот, легитимируются «по восходящей», путем их признания, как со стороны их потенциальных субъектов, так и общества в целом. Такой вариант общественной легитимации носит название социализации, которая может произойти только в том случае, если учрежденные государством общественные отношения были действительно социально (т.е. объективно) обусловлены.

Список использованной литературы

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — Санкт-Петербург : тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. — 385 с.
2. Василенко И. Понятие нормы права и уголовного процесса / И. Василенко. — Санкт-Петербург : тип.-лит. А.Е. Ландау, 1878. — 48 с.
3. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство / Д.Г. Тальберг. — Киев : т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киев. отд-ние, 1889. — 328 с.
4. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его судоустройство и деятельность / Н.Н. Полянский. — Москва : т-во И.Д. Сытина, 1911. — 203 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Общественная польза, 1912. — Т. 1. — 567 с.
6. Духовский М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовский. — Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1910. — 448 с.
7. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. — Москва : Г.А. Леман, 1913. — 337 с.
8. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — 684 с.
9. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. — Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. — 511 с.
10. Радько Т.Н. Система права: история, современность, перспективы / Т.Н. Радько. — Москва : Проспект, 2018. — 256 с.
11. Макарова З.В. Цель, средства. результат уголовно-процессуальной деятельности / З.В. Макарова. — EDN UAQENH // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 25-26 сент. 2014 г. — Иркутск, 2014. — С. 160–166.
12. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. — Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 624 с.
13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. — 7-е изд. перераб. и доп. — Москва : Республика, 2001. — 719 с.
14. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькин. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 172 с.
15. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. — Москва : Юрид. лит., 1975. — 176 с.
16. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Бахта. — Москва, 2011. — 50 с.
17. Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.И. Ахматов. — Екатеринбург, 2017. — 264 с.
18. Васильева Е.Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование / Е.Г. Васильева. — Москва : Юрлитинформ, 2013. — 579 с.

References

1. Barshev Ya.I. *Basics of Criminal Court Procedure, Applied to Russian Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, 1841. 385 p.
2. Vasilenko I. *The Concept of Legal Norm and Criminal Process*. Saint Petersburg, A Landau Publ., 1878. 48 p.
3. Talberg D.G. *Russian Criminal Proceedings*. Kiev, Tovarishchestvo Pechatnogo Dela i Torgovli I.N. Kushnerev i K^o v Moskve, Kieve Otdelenie Publ., 1889. 328 p.
4. Polyanskii N.N. *Criminal Process. Criminal Court, its Mechanism and Work*. Moscow, Tovarishchestvo I.D. Sytina Publ., 1911. 203 p.
5. Foinitskiy I.Ya. *A Course in Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya Polza Publ., 1912. 567 p.
6. Dukhovskii M.V. *Russian Criminal Procedure*. Moscow, A.P. Poplavskii Publ., 1910. 448 p.

7. Poznyshhev S.V. *An Elementary Textbook of Russian Criminal Process*. Moscow, G.A. Le-man Publ., 1913. 337 p.
8. Sluchevskii V.K. *Textbook of Russian Criminal Process*. Saint Petersburg, M.M. Stasyu-levich Publ., 1913. 684 p.
9. Strogovich M.S. *Criminal Proceedings*. Moscow, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR Publ., 1946. 511 p.
10. Radko T.N. *A System of Law: History, Modernity, Prospects*. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 256 p.
11. Makarova Z.V. Purpose, Means, Result Criminal Procedure Activities. *Criminal Process and Criminalistic Means of Ensuring Criminal Proceedings. Materials of International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 25–26, 2014*. Irkutsk, 2014, pp. 160–166. (In Russian). EDN: UAQEHH.
12. Cheltsov M.A. *Criminal Proceedings*. Moscow, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR Publ., 1948. 624 p.
13. Frolov I.T. (ed.). *Philosophical Dictionary*. 7th ed. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p.
14. Ehlikind P.S. *The Essence of Soviet Criminal Procedure Law*. Leningrad University Publ., 1963. 172 p.
15. Bozhev V.P. *Criminal Procedure Legal Relations*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1975. 176 p.
16. Bakhta A.S. *Mechanism of Criminal Procedure Regulation*. *Doct. Diss. Thesis*. Mos-cow, 2011. 50 p.
17. Akhmatov I.I. *Concept, Attributes and the System of Criminal Procedure Relations*. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 2017. 264 p.
18. Vasileva E.G. *Criminal Process: Dogmatic-Axiological Research*. Moscow, Yurlitin-form Publ., 2013. 579 p.

Информация об авторе

Диваев Александр Борисович — кандидат юридических наук, доцент, декан юри-дического факультета, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказа-ний, г. Новокузнецк, Российская Федерация.

Author Information

Divaev, Alexander B. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Dean, Faculty of Law, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 03.04.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.05.2024

Принята к публикации / Accepted 21.06.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 05.07.2024